

Ключи к английскому замку

...так почему же эти замки называются английскими?

- Очень, очень жаль, что вы не знаете этого, - сказал мне однажды специалист по замкам. - Надо знать. Надо все знать!

Мне стало очень стыдно от его слов, как стыдно, к примеру, оттого, что я не знаю, почему лошадь называется словом "лошадь", а не каким-нибудь другим словом-символом. Ну, скажем, словом "буцентраг". Или... Впрочем, не будем иликать. Так можно до бесконечности.

Одно верно - мы знаем гораздо меньше, чем не знаем. Багаж наших незнаний порой достигает таких размеров, что возникает опасность взлететь на нем, как на воздушном шаре, в недостижимую высоту и не возвратиться больше никогда на землю.

А что может быть трагичнее, чем навсегда расстаться с землей, с ее дрожащими осиновыми рощами, с белой майской полынью на загородном пустыре, с цветущими кустами шиповника подле проселочной дороги, с теплой и мягкой пылью на ней, да и мало ли еще с чем? Со всем, что есть на земле.

"Хуже не придумаешь! - вспоминаются мне слова специалиста по замкам. - Не знать, почему английский замок называется английским! Это последняя стадия..."

Нет, лучше и не вспоминать об этом! Я сгораю от стыда.

И всего стыднее становится при мысли, что мой сын может спросить у меня в любой момент, почему английский замок называется английским, и, не получив ответа, полезет в какой-нибудь специальный энциклопедический справочник, где все ему будет объяснено с академической скупой завершенностью, порой невысказанно сокращенными словами, от которых мне всегда становится не по себе, как бывает не по себе ранней весной на городских бульварах при виде подстриженных под ежик тополей и каштанов. А это (то, что я бываю не в силах что-либо объяснить сыну, и он лезет за ответом в энциклопедию) меня почему-то всегда угнетает.

"Почему книги знают все, а люди нет? - заблуждаясь, спрашиваю я себя. - Ведь книги созданы людьми!" Затем начинаю себя утешать: "Ни одна книга всего не знает!" Иногда даже меня охватывает восторг: "Все вместе взятые книги всего не знают, потому что все вместе взятые люди далеко еще не все знают!"

Часто над удивительно простыми вещами ломаем мы себе голову, философствуем на мелком месте. Что поделаешь? Мы люди, и у каждого из нас бывают минуты слабости. Свои минуты и свои слабости.

* * *

Вернемся к разговору об английском замке. Собственно, дело не в самом английском замке. Даже совсем не в нем. Дело даже не в шляпе, как иные могут торопливо подумать. Дело в ключах к английскому замку.

Жена, сын и я постепенно потеряли свои ключи от нашей квартиры. Ключи теряются. Это общеизвестно. Остался один. Запасной. На черный день. Он хранился в левом нижнем ящике моего письменного стола, в левом дальнем углу. Левее не спрячешь. Это было бы уже за пределами стола.

И черный день настал.

С помощью всевозможных наипростейших приспособлений (ящиков из-под кефира, брючного пояса, бельевой веревки...) и противоречивых, но энергичных подбадриваний соседей и проходящих зевак я по водосточной трубе, которая несколько раз прерывалась, как штриховая линия в учебниках черчения, взобрался на свой этаж (мне показалось, что это был семьсот сорок девятый), разбил окно и проник в свою квартиру, где взял ключ на черный день и открыл дверь жене и сыну. Они поднялись вверх на лифте и поочередно нажимали

кнопку электрического звонка, который назойливо взвизгивал под потолком прихожей, будучи, очевидно, уверенным в том, что я не смогу при надобности огреть его чем-нибудь увесистым по сияющей никелем лысине. В другой раз я так бы и сделал. Но тут было совсем не до него.

Вошли жена и сын.

- Bravo, папа! - сказал сын.

- Как плохо не иметь своего ключа! - в сердцах произнесла жена, пристраивая пестрый летний зонтик на крючок самодельной вешалки, которую я сделал сто лет тому назад, едва мы вселились в эту квартиру.

- А мне совсем не нужен ключ! - восторженно прокричал сын. - Я буду, как папа, подниматься вверх по водосточной трубе.

Жена пришла в ужас. Она выронила сумку с покупками, опустилась на пол и попросила принести ей с туалетного столика белую губную помаду, которую она, в пику мне, называла черной. Губную помаду, если жене становилось плохо, она предпочитала всем таблеткам и микстурам.

В ужас пришел и я. Отчасти потому, что помада и в самом деле оказалась черной, хотя на ней и было написано "Белая", но, в основном, потому, что боялся за сына, которому я подал дурной пример лазить по водосточным трубам.

К сожалению, мы подаем своим детям не только образцовые примеры, но и дурные. Боюсь даже, что дурных больше.

Но сейчас, вникая в суть вопроса, я думаю, что меня беспокоило не столько то, что я подал пример (опустим, на всякий случай, слово "дурной"), сколько то, что растает лед.

"Боже мой, как же он полезет, если растает лед?" - подумал я.

- Какой еще лед? - приходя в себя, спросила жена.

Она всегда читала мои мысли, но либо не понимала их, либо истолковывала по-своему.

- Видишь ли... - я назвал ее по имени.

- Ничего не вижу! Не темни! - она обрела голос, губная помада сияла, как лак правительственного автомобиля.

Но я продолжал объяснять.

- Местами водосточная труба обрывалась, как знаки тире, но промежутки эти были заполнены цилиндриками льда, который, по-моему, сохранился еще с позапрошлого года, когда внезапно во время летнего ливня ударил лютый мороз... Помнишь, еще во всех газетах про это писали? - спросил я.

- Про что писали?

- Про лед!

- Кубики льда хороши только в коктейле! - сказала она. - При чем тут газеты? Не понимаю!

- Это вполне естественно.

- Что естественно? - сверкнула она ослепительными зубами, кое-где выпачканными черной помадой.

- Естественно, - отвечал я, совершенно теряя голову, - естественно то, что ты ничего не понимаешь.

На два дня она замолчала, а я занялся изготовлением ключей к английскому замку. Я заказал их в одном из городских ателье со скромным названием "Мечта". Для этого мне пришлось сдать, как образец, последний наш ключ - ключ на черный день.

А чтобы больше никому из нас не лазить по водосточной трубе, мы взяли себе по ключу у своих друзей - у них тоже в дверях были английские замки, и в точности такие же, как у нас.

* * *

Когда я пришел за ключами в первый раз, они еще не были готовы.

Когда я пришел за ними второй раз, они опять не были готовы.

Опустим несколько моих последующих приходо в ателье, чтобы не повторяться...

На седьмой приход выяснилось, что в ателье нет соответствующих заготовок.

Мы давно уже начали с женой разговаривать, даже один раз вместе сходили в кино, потому что жене было стыдно перед соседями - мы целую вечность живем в этом доме, и еще ни разу не были в кино. И это действительно так.

В кинотеатре жена спросила:

- Что это за белое полотнище висит впереди во всю стену? А где же цветной телевизор?

У меня сжалось сердце - она забыла, что такое кино. Пожалуй, и мне давно уже стоило забыть о том, что я заказал в ателье "Мечта" ключи к нашему английскому замку, ибо у каждого из нас теперь было по ключу и наши друзья не требовали их обратно. Так поступают только настоящие друзья, а не такие, о которых в песне поется "Если друг оказался вдруг..."

Повторяю, можно было бы и забыть о заказанных ключах, даже нужно было бы и не волноваться. Но дело, что называется, пошло на принцип.

Ах, этот принцип! В каждого из нас нет-нет, да и вселяется какой-нибудь принцип и сидит там до поры до времени. А зачем он там сидит, никто не знает.

Что? Вы знаете? Сделайте два шага вперед, кто знает... Хорошо, можно и один. Ну, вот. Я так и знал. Стало быть, договорились - никто не знает.

Не знаю и я. Но он сидит во мне и маленькими острыми коготками перебирает болезненные струны самолюбия. Дзинь-дзинь-дзинь... Динь-динь-динь...

Ничего путного из этого не получается. "Нет, я доведу это дело до конца! Я этого так не оставлю!" - примерно такая музыка бередит душу.

И начинаешь "это дело" так не оставлять.

...Наконец-то ключи были готовы! Дело само собой, выходит, довелось до желанного конца.

Три новеньких, с иголочки ключа! Один - для меня, второй - для жены и третий - сыну. И еще тот самый, "родной" ключ от английского замка! Это, стало быть, четвертый. Ключ на черный день. Да еще три ключа, которые мы получили у наших друзей. Целый выводок ключей! И - заметьте это! - все ключи к одному английскому замку.

"То-то обрадуется наш Английский Замок, - думал я, помимо своей воли называя его с большой буквы, - теперь у него такое богатство, столько ключей. Целое состояние!" - ликовал я.

Мы с женой и сыном время от времени будем меняться ключами. Затем будем брать другие ключи, которые до времени будут храниться в столе, как запасные, а свои положим в стол и будем меняться уже теми, запасными ключами. И так далее. Пусть математики подсчитают, сколько тут возможно сочетаний и перестановок! Только пусть не забудут и про ключ на черный день - его тоже надо запустить в этот круговорот.

Думая об этом, я завидовал нашему Английскому Замку. Мог ли он мечтать о таком счастье у любого другого хозяина!

Получив у служащей ателье три сияющих ключа и четвертый наш, я нанял такси и стрелой помчался домой, напевая по пути давно полюбившуюся мне песенку "Как прекрасен этот мир, посмотри".

Водитель взял полтинник сверх счетчика. За настроение. Он понимал, в каком я настроении, и действовал смело. И я понимал, что он меня понимает. Разве кому не хочется, чтобы его понимали? Иной бы все на свете отдал за то, чтобы его понимали...

* * *

Предынфарктное состояние наступило, едва я начал вставлять один из новых ключей в замочную скважину. Он не входил в нее. Не вошли и остальные ключи.

Я почувствовал, как в моем сердце обмякла передняя стенка левого желудочка. Тогда я вставил в замочную скважину ключ на черный день и, легонько нажимая, сделал два оборота. Замок сладенько промурлыкал, и дверь распахнулась.

Инфаркт не состоялся, сердце мое застучало ровнее и увереннее.

Но и принцип заликовал в душе еще больше: "Нет, надо проучить их! Надо написать в "Книгу жалоб", в редакцию газеты "Победа", привлечь городской народный контроль!"

* * *

- Не может быть, чтобы ключи не подошли! - заверещала служащая ателье, когда я предстал перед нею с бракованными ключами, требуя, чтобы их переделали. - Их же изготовил сам Махов! Вы знаете Махова?.. Это виртуоз, ас, волшебник! Как вы смеете говорить, что ключи не подошли! Этого не может быть...

- ...потому что этого не может быть никогда, - охотно продолжил я знаменитое крылатое выражение и прихвастнул: - Чехов!

- Какой Чехов?! - возмутилась она.

- Антон Павлович, - на всякий случай уточнил я.

- Перестаньте валять дурака! Я лучше вас знаю наших мастеров и утверждаю, что ключи сделал сам Махов!

Мы еще несколько минут побеседовали, стараясь быть взаимно вежливыми, и, наконец, она снизошла:

- Хорошо, давайте ваши ключи. Зайдите завтра. Я передам их Шведову, если вы так настаиваете. Посмотрим, что он с ними сделает.

- Зачем же Шведову? - недоумевал я. - Отдайте их лучше Махову.

- Махову? - искренне удивилась она. - Но ведь вас его работа не устраивает. Мы не можем обижать своих клиентов.

- Да, но ведь это его брак! Пусть он и переделывает. Зачем же подсовывать его брак другим? Отдайте Махову.

- Махову?! - вскочила она со стула и перегнулась через стойку ко мне. Я сделал шаг назад. Она стояла, как цветок лотоса. Ее глаза были полны необъяснимого экстаза.

- Нет, уважаемый! К сожалению, к Махову ваши ключи больше не попадут. Никогда! Он у нас, к сожалению, больше не работает. Эти ключи, - она подняла бракованные ключи и патетически потрясла ими над головой, - эти изумительные ключи, если хотите знать, - лебединая песня гениального Махова! Их хотели у нас забрать на всемирную выставку. В музей века! Но Махов не дал согласия, он устал от славы. "Отдайте их клиенту", - сказал он на прощание, уходя на заслуженный отдых. - Гордиться надо такими ключами, уважаемый...

Ее атака возымела действие, я дал согласие на Шведова.

Получив ключи в следующий раз, я повез их домой троллейбусом. Все три ключа входили в замочную скважину один лучше другого, но ни один из них не поворачивался ни на йоту, какое бы усилие я ни прилагал.

... - Скажите, - я вновь стоял перед приемщицей ателье "Мечта", - в вашем ателье найдется человек, который смог бы сделать мне ключи к английскому замку, но такие, чтобы могли отпирать и запирасть его? - Я протянул ей злополучные ключи.

- Хо-хо!.. Это сделает любой наш работник. Вчера мы решили освоить все смежные профессии, теперь у нас полная взаимозаменяемость! - она послала меня в нокдаун.

Я досчитал до восьми с половиной и вновь ринулся в бой:

- Так сделайте! Я устал ходить к вам!

- Не ходите, - заботливо сказала она и улыбнулась, - мы доставим ваш заказ на дом. У

нас вчера внедрена эта форма обслуживания клиентов. Ужасно прогрессивная, кстати сказать.

* * *

Сын болезненно переживал мои неудачи с изготовлением ключей к английскому замку и, как мог, успокаивал меня.

- Не огорчайся, папа, - садясь ко мне на колени, ласково говорил он, - тебе нельзя волноваться, ведь у тебя сердце... И еще у тебя давление и радикулит. И еще, - он поглаживал меня по голове, - у тебя признаки психостении, - едва слышно, одними губами произносил он.

С сыном у нас полное взаимопонимание. С полуслова. С полужука.

- Смотри, - говорил он, указывая мне на окно, чтобы отвлечь меня от тягостных мыслей, - еще один дом закладывают. Нулевой цикл. Это будет самый высокий дом в нашем микрорайоне, мы с мальчишками вчера разговаривали с прорабом стройки. Теперь тебя не будет раздражать вид этой водонапорной башни.

"Откуда он знает, что она раздражает меня?" - удивился я. В самом деле, я временами не нахожу себе места, когда вижу из окна по ту сторону дороги за приземистым корпусом профтехучилища верхушку водонапорной башни с конусообразной блестящей крышей. Она торчит, как надменный кукиш.

Иногда я подумываю над тем, чтобы установить у себя в комнате пушку и дать несколько залпов по этому кукишу в какое-нибудь прекрасное утро, когда восходит солнце, ибо оно восходит как раз из-за этой башни, и она торчит, как вызов солнцу.

- Да, сын, - отвечал я ему, - новый дом закроет эту вычурную башню, но зато он будет долго угнетать меня своими черными окнами. До тех пор, пока там не поселятся люди. Я очень не люблю пустых домов и мрачных безжизненных окон.

- Это ты напрасно, - возражал сын, - в одной из квартир сразу же разместятся строители, они всегда так делают, и свет из окон будет подбадривать тебя. Кроме того, на углу установят мощный прожектор, и он будет светить до самого утра.

- Пожалуй, ты прав, - согласился я.

Мы долго тихо и мирно беседовали, и я понемногу успокаивался, забывал о ключах.

Но жена не давала мне забывать о них. Она налетала на меня, как ветер на зеркальную гладь пруда, мгновенно превращающий ее в ребристую ткань, вроде мехов гармошки.

- Подумать только! - восклицала она, будто на профсоюзном собрании, где обсуждают злостного прогульщика или неплательщика взносов. - Подумать только, он не может обеспечить нас элементарными ключами. Мне стыдно от сотрудников, от соседей... Я, как нищая, пользуюсь чужими ключами, чтобы войти в свою квартиру.

- Успокойся, не стоит так убиваться из-за мелочей, - робко произносил я.

- Как же! - ликующе подхватывала она. - Из-за мелочей! Вот именно! Ленке Забродской муж уже дважды устроил круиз вокруг Европы... Белкина похвастается новым служебным, я уже не говорю о собственном, автомобилем мужа, в котором она ездит на свидания... На свидания с подругами, - спохватилась жена и продолжала: - Сомова повсюду стрекочет, что собирается в круиз вокруг Вселенной. Конечно, Сомова перегибает... Дураку ясно. Но ты только подумай, какими масштабами она мыслит! Это тебе не ключи к английскому замку!

- Я сразу предлагал тебе поставить замок отечественной конструкции, - огрызнулся я, - проще и надежней.

- Отечественной! - возмутилась жена, словно я использовал недозволенный прием. - Что ты мелешь! Да в какой порядочной семье теперь хоть что-то покупают отечественное?! Все берут только экспортное!

- Импортное, - мягко сказал я, - берут далеко не все. Хотел бы я видеть, как бы ты жила только на импортном...

- Какая разница, экспортное или импортное! - она сразу заметила мою поправку. - Все равно заграничное! Японское, польское, французское, голландское, финское...

Она наслаждалась звучанием этих слов и забывала про меня.

* * *

Я решительно подошел к стойке.

- Ну, как поживают мои ключи? - приятельским тоном спросил я, уверенный, что служащая ателье "Мечта" помнит меня.

- Квитанция есть? - не поднимая головы от журнала "Человек и закон", спросила она. И я пошел ва-банк!

- Нельзя ли у вас попросить "книгу жалоб"? - нежно произнес я.

- Книгу предложений? - переспросила она. - Пжа-лста! - с немыслимым вывертом она протянула руку назад через голову, сняла с полки щуплую школьную тетрадку и едва уловимым, но резким движением кисти, точно метательница ножей в цель, запустила "книгу жалоб" в меня. - Выдаем по первому требованию клиентов! Ручки нет. Карандаша нет!

Тетрадка плюхнулась на стойку и раскрылась как раз там, где была сделана последняя запись.

- У меня есть своя, шариковая, - успокоил я приемщицу, имея в виду ее замечание о ручке и карандаше.

- Штурмуйте! - подбодрила она меня, и я почувствовал, что совершаю роковую ошибку, я понял это, заметив, как малиново разгораются раковины ушей у служащей ателье.

- Может, не стоит? - спросил я и, покосившись на "жалобную книгу", увидел, что последняя запись сделана в ней два года назад.

- Дело ваше, - наиспокойнейше ответила она.

- Не буду. Лучше я побеседую с директором.

- Разумно, - подтвердила она, - директор будет через неделю, сейчас он на курсах повышения квалификации. Заходите.

Через неделю я сидел в кабинете директора ателье "Мечта". Мы оживленно беседовали и курили "термоядерные" сигареты. Директор вызвал Шведова и сказал:

- Нехорошо, Яков Моисеевич, класть черное пятно на светлое имя нашего ателье.

- Понятно, - отчеканил Шведов. - Ключи?

- Ключи! - весь засветился я.

- К английскому замку? - спросил Яков Моисеевич.

- К Английскому! - закричал я с большой буквы.

- Три ключа? - уточнил Шведов.

- Три!!! - закричал я. - Один мне, один жене, третий сыну и четвертый... А четвертый - это ключ, это ключ на черный день!

- Успокойтесь, - сказал директор и повернулся к Шведову. - Сочини мигом, Яша!

- Давно готово, пан директор!

- Товарищ! - поправил директор.

- Так точно, пан директор, - согласился Шведов и достал из кармана три новеньких ключа и тот четвертый, что я отдал им, как образец, - как я и предполагал, товарищ напрасно предъявляют претензии, я выверил все размеры. Тютелька в тютелечку. А ежели они сомневаются, пусть принесут замок, и я на ихних глазах продемонстрирую.

- Нехорошо, товарищ, - буркнул директор. - Принесите замок, и Яша вам продемонстрирует.

* * *

Дома меня ждал скандал.

Пока я сидел в ателье, пришли наши друзья и в один голос потребовали вернуть им ключи. Они были принципиальны и неумолимы, как чужие люди. Жена и сын уже отдали им свои ключи, но они требовали и мой. Они вели себя так, будто мы увели у каждого из них дойную корову - кормилицу, а не взяли на время по ключу к нашему английскому замку. Я сопротивлялся, зывал к совести.

- Отдай, папа, - сказал сын, - пусть уходят. И они ушли, довольные и высокомерные.

- Съел? - ехидно спросила жена. - Вот тебе и друзья.

- Замолчи! - сказал я грубо: не люблю, когда плохо говорят о моих друзьях. - Они не виноваты, что в ателье так долго делают нам ключи. И, кроме того, я уверен, что они поступили так из благих побуждений. Не имея ключей наших друзей, мы более оперативно изготовим себе собственные.

- Ты всегда всех выгораживаешь. По-твоему, все они хорошие, - жена заплакала. Она плакала очень искренне и очень горько. Истоки ее слез были в сердце, я это сразу почувствовал.

Таких ее слез я вынести не мог, это был для меня сигнал к самым решительным действиям. Победа или смерть!

Я кинулся к двери, сорвал ее с петель, оседлал, как бывало в детстве палку-коняшку, и, поднимая на дороге хрустально-звонкую, прозрачную пыль, помчался, что было духу, в ателье "Мечта".

Горожане приветствовали меня радостными криками и аплодисментами во все время пути. Автомобили и троллейбусы прижимались к обочине, давая мне зеленую улицу, милиционеры - на перекрестках весело подмигивали мне, как старому знакомому, и я был счастлив.

Лихо вынырнув из-за угла, я сделал перед ателье эластичную заворачивающую петлю, забряцал копытами по булыжной мостовой, высекая искры, и поднял "коня" на дыбы.

- Служили раньше в кавалерии? - почтительно спросил Яков Моисеевич, когда я влетел в открытое окно на своем "коне" к нему в мастерскую.

- Нет, я служил танкистом! - вызывающе выкрикнул я.

- Порядок в танковых частях? - спросил Шведов, иронически улыбаясь.

- Порядок! - браво подтвердил я с улыбкой, полной сарказма.

- Н-да... - он почесал затылок. - А где же ваш замок?

Я похолодел. В двери, на том месте, где был вставлен замок, зияла пустота.

И никогда в жизни не плакавший (даже в детстве, по рассказам родителей), я горько-горько заплакал и стал размазывать слезы по лицу. Я водил пятерней по щекам, по губам, подбородку, не стыдясь, что на меня смотрят все работники ателье "Мечта", которые собрались здесь посмотреть на чудака, приехавшего к ним на двери от собственной квартиры.

Подошла та самая служащая, которая принимала у меня ключи в ремонт, и сказала обворожительным голосом:

- Миленький, не надо. На вас больно смотреть. Мы никогда больше не будем так...

Вошел директор.

- Ну, как, Яша, продемонстрировал товарищу клиенту? - спросил он.

- Они плачут, - сказал Шведов, - замок потеряли... Может, поставить им новый бесплатно?

- Поставь, Яша, - директор сделал широкий жест рукой, которому он совсем недавно научился на курсах повышения квалификации, - обязательно поставь за наш счет. Деньги я найду куда списать, это для меня не вопрос, не проблема... И вот что, - он помедлил, - отвезите-ка его домой на моей машине. Пусть навсегда запомнит наше ателье "Мечта"!

- Век не забуду, - сквозь слезы подтвердил я.

Так и сделали. Дверь привязали на крыше автомобиля к никелированному багажнику, в котором директор возил палатку и ящики, когда ездил к морю, меня усадили рядом с шофером и на колени положили кожаный портфель, до отказа набитый ключами к английскому замку, который был вставлен в нашу дверь бесплатно.

* * *

С тех пор я, жена и сын живем припеваючи по части английского замка и ключей к нему. Никто из нас не боится потерять свой ключ, ибо портфель, который мне подарили в ателье "Мечта", оказался бездонным. Жена часто демонстрирует его своим подругам, она опрокидывает портфель, высыпая из него ключи за окно, где их с веселыми криками расхватывают дети, затем ставит портфель на место, и он вновь полон ключей к нашему новому английскому замку.

Желаю всем вам иметь по такому портфелю с ключами к вашим замкам, чтобы никогда не переживать того, что пережил я, заказав в ателье "Мечта" изготовить ключи к английскому замку, который я потерял по дороге в ателье.

Самое страшное даже не в том, какие переживания выпали на мою долю, а в том, что вы, придя в отчаяние, чего доброго (точнее, чего недоброго) еще начнете описывать свои переживания, как это делаю я. И может случиться, что вы станете писателем. Настоящим писателем. Упаси вас боже от этого!

У меня есть друг. Писатель. Настоящий писатель. Наинесчастнейший человек, доложу я вам. Мне жаль его.

- Какое несчастье, Боря, что я сделался настоящим писателем, - говорил он мне однажды в порыве откровения - я сделал несчастными жену, детей, родителей и всех родственников!

- Но почему, Гена? - не понимал я.

- Почему? - он поднял на меня дальнотзоркие голубые глаза, из которых струилась грусть, только грусть и сказал: - Настоящий писатель, Боря, не бывает счастливым...

- Но хотя бы изредка писателю удается быть счастливым?

- Пожалуй, Боря. Но очень редко. Мне, например, еще ни разу не удавалось.

- А хорошему, по-настоящему настоящему писателю? - из глубины души выпорхнуло у меня.

- Боря, - сказал мой друг и заплакал, - подумай что ты такое сказал?..

И я надолго задумался. Я вспомнил (как мог я забыть об этом), что много лет назад мой друг тоже потерял ключи от своего английского замка, а пока их делали в том же ателье "Мечта", он написал свой первый фельетон и напечатал его в журнале "Крокодил".

После фельетона в ателье сняли директора и назначили нового, молодого и энергичного. Хотели заменить даже название ателье, но не могли придумать более подходящего. Так оно и осталось с тех пор, и, очевидно, это ателье всегда будет называться "Мечта".

Вот и все, что я хотел рассказать вам.

Будьте, пожалуйста, счастливы, и никогда не теряйте своих ключей...

* * *

Простите, еще несколько слов.

Вчера меня встретил сотрудник молодежной газеты, куда я отнес описание моей истории с ключами к английскому замку, считая, что она представляет собой лирико-иронический рассказ с некоторыми элементами сатиры и с незначительными отступлениями от темы, которые, как мне думается, очень занятой читатель может без особого ущерба для

автора не читать.

- Послушай, - поздоровавшись со мной, не подавая руки, сказал он, - у нас в редакции только и разговоров, что о твоём шедевре, - при слове "шедевре" он нескромно хихикнул, будто его стошнило. - Ты, случайно, не того?..

- Что? - испуганно, переспросил я, озираясь по сторонам.

Он приставил указательный палец к своему виску, и мне сделалось страшно.

- Перестань! - потребовал я.

- И ты хочешь, чтобы это напечатали?

- Я хочу, чтобы это прочитали в ателье "Мечта", - ответил я, не замечая, что тоже называю свой труд унижительным словом "это".

- Суший бред...

Я не дал ему закончить и, не помня себя от полыхающих в моей душе чувств, закричал:

- Это не бред! Это сушая правда! Если хочешь знать, все это чистейшая быль. Я почти ничего не прибавил к тому, что было на самом деле.

- Оно и видно, - небрежно сказал мой знакомый. - А ты и в самом деле... Возомнил!.. Ну и нес бы это в ателье "Мечта". Зачем приволок в газету, да еще в молодежную?

- Я хочу, чтобы это прочитали и другие люди и, прежде всего, молодые. Может, они извлекут из этого какую-нибудь пользу.

- Ну-ну, - сказал он. - Мне очень жаль. Это черт знает что такое.

- Это! - наконец-то возмутился я. - Это есть рассказ, который называется "Ключи к английскому замку".

- А почему английский замок называется английским, ты знаешь?

- Знаю! - выпалил я, как студент на экзамене, которому задан последний, спасительный вопрос. - Потому что его изобрели англичане.

- Гениально! - сказал сотрудник молодежной газеты и захохотал, содрогаясь всем телом, будто его по ставили на вибрационную плиту.

И вдруг я заметил, как из кармана его пиджака выскочил ключ и упал на тротуар. Я покосился. Это был ключ от английского замка. Не раздумывая, я наступил на ключ ногой и меня тоже начало трясти от смеха. Жизнерадостно хохоча, я все крепче и крепче прижимал ключ к асфальту...